

СОВРЕМЕННАЯ ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА КАК МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭСТЕТИЧЕСКОЙ И НРАВСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.В. Барашков

Барашков Виктор Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых. 600000, Владимир, ул. Горького, 87. E-mail: v.barashkov@gmail.com

Барашков В.В. 2020. Современная церковная архитектура как межкультурное пространство эстетической и нравственной коммуникации. *Концепт: философия, религия, культура*. Том 4. № 3(15). С. 149–157. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-149-157>

Статья поступила в редакцию: 05.07.2019. Принята к публикации: 07.07.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сегодня многие архитекторы и теологи работают над обеспечением функциональной пригодности храма как места собрания общины с учётом новых подходов к решению ряда комплексных задач. Культурные, эстетические и нравственные аспекты этих решений рассматривают церковное пространство в качестве важного звена, развивающего способности своих посетителей помнить, сострадать, укрываться от сил, отводящих от религиозной сосредоточенности и т.д. Особенно интересен в данной связи опыт Германии. В статье рассматриваются концепции трёх современных теологов: Томаса Эрне, Берта Далеманса, Сигурда Бергмана. Согласно концепции Эрне, церкви в наше время становятся прежде всего пространством самотрансцендентности, они открыты для различных социальных и эстетических интерпретаций бесконечного. Далеманс, различая три измерения церковного строения — синестетическое, керигматическое и евхаристическое, — формулирует понятие теотопии, или невербальной теологии архитектуры. Бергман рассматривает сакральное пространство как место, развивающее критические способности человека. Параллельно теологической рефлексии архитекторы ищут решения, раскрывающие трансцендентное измерение сакрального пространства. Новые подходы можно обнаружить в часовне примирения в Берлине (2000), часовне брата Клауса в Вахендорфе (2007), церкви на автомагистрали в Вильнсдорфе (2009-2013). Проекты церквей продолжают занимать важное место в творчестве архитекторов, поскольку они дают возможность образными средствами передать ощущение «невыразимого», и в то же время не оставить без внимания внутренний мир людей, которые будут эти церкви посещать. Конструируется пространство, обращенное к человеку во всей сложности и противоречивости его жизненных измерений. Тем самым (несмотря на тенденции секуляризации) сохраняется социально-примирительная значимость церквей, где сакральное пространство — это прежде всего, пространство диалога представителей разных культур; пространство коммуникации, как религиозной, так и не в меньшей степени эстетической и нравственной.

Ключевые слова: христианская архитектура, сакральное пространство, архитектура постмодернизма, коммуникация, самотрансцендентность, теотопия, Томас Эрне, Берт Далеманс, Сигурд Бергман, эстетика, философия культуры.

Образцы церковной архитектуры конца XX – начала XXI вв. свидетельствуют о смене устоявшихся в этой области художественного творчества акцентов и формировании новых тенденций [Барашков, 2018]. В церковной архитектуре наших дней диалог между религией и искусством проявляется наиболее ярко [Кильдяшова, Ившина, 2016]. Нередко, однако, архитектурная мысль не успевает за «строительным бумом» современности: вызревание образных стилей происходит медленно и художественное качество архитектурного строения обеспечивает в наибольшей степени саморефлексия, размышления архитекторов о том, какую среду они создают для современного человека [Швидковский, 2017]. Тенденции в современном церковном строительстве и в переобустройстве интерьера старых церквей стали предметом исследования теологов, философов, искусствоведов и культурологов.

Анализируемые в данном тексте концепции Томаса Эрне, Берта Далеманса, Сигурда Бергмана объединяет рассмотрение сакрального пространства не только как места совершения литургии и собрания общины, но и как пространства эстетической и нравственной коммуникации. Исходным пунктом для их размышлений становится церковная архитектура середины XX в., когда были осуществлены проекты обустройства церквей как «домов собраний» (*domus ecclesiae*) [Макарова, 2018]. Программную формулу «Заказчик строительства в церкви – литургия» (*Liturgie ist Bauherr*) на рубеже XIX–XX вв. предложил немецкий историк искусства и архитектор Корнелиус Гурлитт (1850–1938). В Западной Европе после окончания Второй миро-

вой войны ведущими архитекторами (для Германии наиболее значимыми были Отто Бартнинг и Рудольф Шварц) создаются образцы таких церквей, тиражируемые и модифицируемые в последующие десятилетия.

В то же время задача строительства «домов собраний» незаслуженно отодвинула на второй план работу над эстетическим обликом церкви, в то время как церковь может иметь «избыток значений» благодаря своей архитектурной форме, беря за точку отсчета связь с природой [Sandal, 2015: 352]. Архитекторы — теоретики и практики модернизма — искали новые возможности выразительных средств архитектуры для передачи эстетического опыта «невыразимого». Первым удачным опытом стала Капелла в Роншане Ле Корбюзье, остающаяся до сих пор ориентиром, поскольку смыслы, читаемые в её пространстве, далеко не исчерпаны. В конце 1980-х гг. новые пути в сакральной архитектуре (не только христианской, но и буддийской, синтоистской) стал прокладывать японский архитектор Тадао Андо (автор знаковых «Церкви на воде» (1988), «Церкви света» (1989), «Храма воды Хомпукудзи» (1991)). К подобным строениям применимо феноменологическое понятие атмосферы, введённое Гернотом Бёме¹. Задача современного церковного строительства видится в сочетании литургического предназначения церкви с возможностями доступного более широкому кругу людей эстетического и нравственного переживания.

Обращаясь к самым разным группам посетителей, церкви становятся пространством *расширения бытия, самотрансцендентности* [Erne, 2017: 126]. Немецкий

¹ Бёме Г. 2018. «Атмосфера» как фундаментальное понятие новой эстетики. *Metamodern — Журнал о метамодернизме*. URL: <http://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics/> (дата обращения: 13.11.2019).

протестантский теолог Томас Эрне отмечает, что в современном постсекулярном церковном строительстве «формы бесконечного» наслаиваются друг на друга, что может вести как к «последовательному переходу от эстетической к религиозной форме трансцендентности, так и к критической дистанции и монтажу гетерогенных моментов» [Erne, 2017: 18]. Другими словами, Эрне говорит о *гибридных пространствах трансцендентности*. Значимость религиозного измерения, по мнению теолога, в них не исчезает. При этом в пространство коммуникации включаются не только построенные в XX-XXI вв. церкви, но и более ранние, переоборудованные, например, под колумбарии, галереи или концертные площадки [Gerhards, 2017]. Различные формы трансцендентности могут сосуществовать, но сознательно разделяться (пример — часовня на кладбище Доротеенштадта в Берлине, оформленная Джеймсом Тарреллом). Также может происходить своеобразное наложение друг на друга церковного пространства и видеоинсталляций, перформансов, воркшопов, фотоискусства, в том числе во время богослужения (проект «Atelierkirche», Бренцкирхе в Штутгарте, 2015). Причём прихожане активно участвуют в этих мероприятиях.

Согласно Эрне, пространства церкви являются открытыми различным религиозным позициям и различным социальным и эстетическим значениям бесконечного. Это проявляется не только содержательно (мультирелигиозные церковные центры нередки в современной Европе), но и формально, в языке архитектуры. Современные церкви в основном строятся в стиле минимализма. Однако за минимумом украшений, декоративных элементов стоит усиленное звучание архитектурных особенностей: ритма пространственных элементов, света, структуры строительного материала. Происходит возвращение к простым природным материалам [Schiefer, 2017], а символы, позволяющие идентифицировать постройку как церковь той или иной конфессии, сводятся к минимуму. Не только в протестантских, но и в католических церквях универсальным символом

остается крест. При этом колокольня или церковная башня, апсиды могут отсутствовать, а форма варьироваться от простых геометрических форм и их сочетания до сложных композиций, органично вписанных в пространство.

Перспективную теорию философского и теологического осмысления церковного строительства предложил бельгийский католический теолог Берт Далеманс. Церковное пространство он рассматривает, прежде всего, как пространство *мистагогии* (здесь Далеманс использовал термин Максима Исповедника). В нём можно различить три измерения: синестетическое, керигматическое и евхаристическое. Тройная схема опирается на теорию Анри Лефевра, различающего воспринимаемое, осмысливаемое и переживаемое пространство [Лефевр, 2015: 53-54], но в то же время отсылает и к тринитарной христианской теологии. Далеманс вкладывает в эти измерения специфическое содержание. *Синестетическое* пространство невидимо и воспринимается лишь посредством совместного действия телесных чувств, сакральность здесь создается пространством и светом. Оно рассматривается как феноменологическое измерение пространства мистагогии. Керигматическое пространство обращается к сознанию посредством слов, знаков, символов и образов, являя, тем самым, герменевтическое измерение. Евхаристическое пространство обозначает литургическое и эсхатологическое измерение: оно раскрывает то, как современная церковная архитектура организует общину и ориентирует мир на обещанное Царство [Daelemans, 2015: 310]. Каждое из названных выше пространств не исключает другое: речь идет о преобладании одного из них. Так, наиболее удачными выражениями первого можно считать часовни, второго — соборы, третьего — приходские церкви. Если от модернизма до наших дней идет преимущественный акцент на втором измерении, то во времена постмодернизма более необходимыми становятся синестетическое и евхаристическое измерения [Daelemans, 2015: 155-157].

Обозначая автономный характер церковной архитектуры, Далеманс формули-

рует понятие *теотопии*, или невербальной теологии архитектуры. Специфичным для нее является индуктивный метод. Преимущество архитектуры как теотопии — имплицитно воплощать теологические истины (а не только их артикулировать). Вместо того, чтобы играть чисто иллюстративную роль, архитектура может, таким образом, стать источником для теологического размышления. Теолог отмечает следующую тенденцию: если XX в. — это архитектура имманентного, то на рубеже XX–XXI вв. церковная архитектура постепенно возвращается к трансцендентному. Это возвращение, однако, не следует понимать как отказ от достижений архитектурного модерна.

Другой исследователь — протестантский теолог Сигурд Бергман — предлагает рассматривать *сакральное место* как *критическое место*, развивающее критические способности человека. Его не следует рассматривать как противопоставление *профанному* месту: постройка открыта окружению и значима для общества в целом. Ключевыми здесь являются четыре аспекта. Во-первых, в сакральных пространствах часто вспоминают страдания прошлых поколений. Во-вторых, они содействуют как христианскому *контрастному обществу* (термин Герхарда Лофинка), так и общественному согласию. В-третьих, служат экологическими местами обретения родины в окружающем мире (примером является Часовня брата Клауса в Вахендорфе) [Бергман, 1999]. В-четвертых, становятся местами эмпатии и сострадания к незнакомым людям. В качестве примера последнего Бергман приводит «сад изгнания» — часть комплекса Еврейского музея в Берлине, построенного по проекту Даниеля Либекинда [Супрыгина, 2008]. Это пространство «предопределяет к самокритичному опыту собственного горя, ведет к идентификации с другими и эмпатии» [Bergmann, 2017: 297]. Развивая эту тему, Керстин Виттман-Энглерт отмечает, что церкви, построенные на местах, ставших частью истории — «воплощенные в форме строевой реакции на исторические данности, которые являются частью нашей памяти»

[Wittmann-Englert, 2010: 165]. В то же время благодаря *физическому присутствию* церковью их пространство делает прошлое частью настоящего, частью жизни новых поколений.

На примере церковью, спроектированных Т. Андо, Бергман отмечает двойную задачу церковных строений — служить пространствами защиты духа и выступать контрпространствами по отношению к постройкам глобализированного капитализма [Bergmann, 2017: 286]. Опираясь на введенное И.Б. Мецом понятие *века культурной амнезии*, Бергман считает, что сакральное место может позволить углубить память о страданиях, служить синтезом прошлого и открытого будущего. Теолог ссылается на архитектора Ю. Палласмаа, который подчёркивал экзистенциальный опыт безродности, связанный со всё возрастающей мобильностью и потоками миграции. По мнению Бергмана, архитектура в сакральных местах может дать людям опыт переживания тишины, ощущение обретения родины, заключающейся, в том числе, в природе. Подчёркнута им и значимость сакрального места, в котором что-то *происходит*. Так, сам план первой унитарной церкви в Рочестере Луиса Кана (организованный как знак вопроса) определяет её как критическое место духовно мотивированного образования и поиска истины. Ощущение «незавершенности» пространства соответствует основной мысли архитектора — веры как критического вопроса.

Рассмотрим ряд примеров сакральных строений, в которых ведущая роль отводится *синестетическому пространству* или, в широком смысле, *атмосфере*. Евангелическая Часовня примирения в Берлине (2000, Рудольф Райтерман, Петер Зассенрот) была построена на месте взорванной в 1985 г. одноименной церкви у Берлинской стены. Она строилась как один из центров мемориального комплекса Берлинской стены. Основной строительный материал — глина, в которую были замешаны кирпичи, оставшиеся от прежней церкви. Часовня состоит из встроенных друг в друга двух овалов. Внешний круг (притвор) сделан из деревянных балок,

между которыми оставлены пустые промежутки, формирующие по фасаду крест. Внутренний круг (сама часовня) замкнут, и свет в него попадает в отверстие сверху. Интерьер выполнен в стиле минимализма: центрическое пространство сочетается с ориентацией на сохранившийся фрагмент запрестольного образа прежней церкви. Помимо него имеются крест с распятием, простая кафедра для проповедника, купель, ряд стульев, орган. К этому же комплексу относятся: строение с тремя историческими колоколами, крест с башни старой церкви, укрепленный на земле на месте своего падения, скульптура Жозефины де Васконселлос «Примирение». Пространство ржаного поля, окружающее часовню, является важнейшим акцентом в проекте «Хлеб мира». Ежедневно в часовне проходит поминовение людей, погибших при попытках пересечения Берлинской стены, поминаются и судьбы беженцев, погибших в своё время на границах Европейского Союза.

Другой пример, пожалуй, еще более ясный из-за отсутствия выраженных социальных значений — Часовня брата Клауса в Вахендорфе в Германии (2007, Петер Цумтор). Восприятие строения извне и ощущения внутри него кардинально различаются: если человека, подходящего к часовне (не выдающей свой сакральный статус и напоминающей скорее башню), переполняют впечатления от величественной природы, то оказываясь внутри, он попадает в очень узкое, холодное, порой сырое пространство, зовущее скорее к сосредоточению, медитации, чем к богатству внешних чувств. В то же время именно пространственные ощущения играют здесь ключевую роль. В создании пространства, как отметил Этторе Рокка, участвуют 4 стихии: огонь (внутреннюю структуру образуют выемки на бетоне от 200 стволов ели, которые на заключительном этапе строительства были сожжены), воздух (вид на небо в отверстиях в крыше), вода (капли воды, попадающие во время дождя на пол) и земля (бетонные стены, свинцовый пол). Интерьер напоминает пещеру, в которой уединился брат Клаус (Николай из Флюэ), и включает в себя не-

большой бюст с его портретными чертами, миниатюрную фигуру «колеса», в которой святой созерцал сущность Бога, подставку для свечей и скамейку, на которой можно предаться созерцанию. В конструкции четко сфокусирована вертикальная ориентация: от земли — к небу [Росса, 2015: 371-374]. П. Цумтор уделил особое внимание стадиям создания здания, его старения и руинирования, демонстрируя тем самым перформативный характер архитектуры и отсылая посетителей и зрителей к ритуальным её основаниям [Невлютов, 2018]. Рассматривая другое культовое строение П. Цумтора — Часовню св. Бенедикта в Зумвитге (Швейцария), выполненную из дерева и имеющую каплевидную форму, — Т.Ю. Быстрова отмечает, что благодаря ёмкости архитектурного языка часовня «становится средоточием жизненных проблем человека в современном мире, не теряя при этом традиционных религиозных значений» [Быстрова, 2009: 64]. При этом разворот в сторону повседневного совпадает с основными интенциями протестантизма.

Подобный контраст «внешнего» и «внутреннего» ещё более заметен в церквях, построенных в центре городов или на оживленных автомагистралях. Одна из ключевых задач церковного пространства в архитектурной застройке современного города — служить пространством тишины. Интерьер подобных храмов (часовен) предписывает посетителю определенный формат поведения: «сбережение и исследование тишины, своего внутреннего состояния, созерцание этого молчаливого погружения» [Дуцев, 2017: 16-17]. Достигается это, по справедливому замечанию исследователя, посредством кривизны стен в пространстве молебельного зала, лаконично устроенного интерьера и использования естественного света. В то же время экстерьер может быть «вызывающим» по принципу контраста. Схожую задачу выполняют часовни на автомагистралях (в Германии таких часовен более 40, их посещает около 1 млн. человек в год). Среди них выделяется церковь в Вильнсдорфе (2009-2013, Шнайдер и Шумахер). Её форма, по контрасту с ожиданиями, напо-

минает контур простой сельской церкви. Интерьер, выполненный из выложенного ячейками дерева, даёт ощущение душевного покоя, уюта, тишины и призывает посетителя на время отложить свои привычные дела.

Современное православное храмоздательство — отдельная тема для рассмотрения. Тем не менее, можно высказать ряд общих соображений. При сохранении тенденции обращения к историческим стиливым формам, можно отметить и ряд проектов, ищущих новые форму и смысл. Так, Иван Земляков и Даниил Макаров используют формы модерна, идущего от Ле Корбюзье. В церкви Святых Вифлеемских младенцев в Барнауле, построенной в неовизантийском стиле, интерьер выстроен согласно концепции иеротопии А.М. Лидова [Крейдун, Лидов, 2018]. В упомянутой церкви внутреннее пространство «собирают» в единое композиционное целое напольные мозаики и мозаичные иконы алтарной преграды (работа Александра Корноухова), рельефные иконы Сергея Антонова, фрески и иконные образы Ирины Зарон. В этой церкви, как и в ряде других, исследователи выделяют динамичность смены стилей и форм в архитектуре, особую логику и свободу искусства, не исключающие духовную составляющую. В творчестве архитектора Андрея Анисимова храм имеет функции места молитвы и комплекса, в котором реализуется приходская жизнь. В данном контексте храм — необходимый элемент среды, событие ментальной, общественной и культурной сфер [Камышанов, 2019: 104-114].

Таким образом, в начале XXI в. практика церковного строительства использует простые природные материалы и создаёт атмосферу сосредоточенности и тишины. Нельзя сказать, что идеи теологов напрямую влияют на конкретные проекты архитекторов. Но за этими проектами стоит, помимо конструктивных задач, своеобразное понимание архитекторами задач сакрального пространства. Последние не

сводятся к простому функционализму, так как церкви и часовни, созданные на рубеже XX-XXI вв., претендуют на уникальность и позволяют зрителям обратиться к многообразию религиозных интерпретаций символов, и проявлять внимание к естественному природному окружению, также созданному, согласно религиозному сознанию, Богом. Одним из главных путей сакрализации идеалов добра, милосердия, справедливости («несущих» конструкций общества) является сакрализация эстетического содержания [Глаголев, 2012: 270].

И хотя строительство сакральных сооружений по своему масштабу уступает сооружению других общественных зданий, тем не менее, даже список (разумеется, неполный) из более чем 150 церквей и часовен, построенных в Европе за 1995-2015 гг., является весомым [Daelemans, 2015: 331-340]. Несмотря на то, что подобные проекты требуют серьёзных финансовых вложений (и это нередко вызывает споры об их правомерности — не лучше ли вложить их в реальную помощь нуждающимся?), их реализация вызывает продуктивный общественный резонанс, а создаваемое пространство привлекает не только прихожан и верующих, но и всех ищущих в нём образное воплощение, недоступное в других формах. В архитектуре неизбежен поиск новой антропной меры, новых основ органики, новой естественности [Швидковский, 2017]. Односторонне оценивать новые культовые сооружения лишь в перспективе их рыночных качеств («окупятся», окажут верующим определенные «услуги»). На первый план выступают значимый творческий вклад в современное городское и сельское пространство и содержательное внимание к выразительным образным средствам. Последние, согласно христианским установкам, обращены ко всем людям, ищущим связи с реальностью, превышающей их бытие, вне зависимости от рамок их национально-культурной идентичности. И вместе с тем, с уважением к их культурным особенностям.

MODERN CHURCH ARCHITECTURE AS AN INTERCULTURAL SPACE OF AESTHETIC AND MORAL COMMUNICATION

V.V. Barashkov

Viktor V. Barashkov — PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Humanitarian Institute, Vladimir State University Named after Alexander and Nikolay Stoletovs. 600000, Vladimir, Gorky str., 87. E-mail: v.barashkov@gmail.com

Barashkov V.V. 2020. Modern Church Architecture as an Intercultural Space of Aesthetic and Moral Communication. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. Vol. 4. No 3(15). P. 149–157.
<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-149-157>

Received: 05.07.2019. Accepted: 07.07.2020.

Conflicts of interest. The author declares the absence of the conflicts of interest.

Abstract. The paper analyses the messages modern architecture communicates to audience and to individual. Architects and theologians regard a church as a community place, and raise questions of aesthetic features of church buildings. At the same time, church space is essential to the visitors' abilities to remember, to compassionate and to concentrate.

The article focuses on the concepts of three modern theologians: Thomas Erne, Bert Daelemans and Sigurd Bergmann. According to Erne, churches are becoming a space of self-transcendence; they are open to various social and aesthetic values within the sphere of the infinite. Daelemans formulates three dimensions of a church building — synaesthetic, kerygmatic and eucharistic — and doing so, establishes the notion of theotopy, the nonverbal theology of architecture. Bergmann considers the sacred place as a critical place. In addition, architects seek not only the theological reflection on such spaces, but also on solutions that reveal their transcendental dimension.

Church architecture gives an opportunity to express the inexpressible by figurative means, keeping in mind the thoughts of the visitors. A complex religious space, a church is presented to a person and, therefore, can be grasped in a range of ways. So the church space is constructed. Overall, as a space for dialogue and communication, which is not only a religious, but also an aesthetic and moral construct, a temple remains significant despite secularization trends.

Keywords: Christian architecture, sacred space, postmodern architecture, communication, self-transcendence, theotopy, Thomas Erne, Bert Daelemans, Sigurd Bergmann, aesthetics, philosophy of culture.

References:

Daelemans B. 2015. *Spiritus Loci: a Theological Method for Contemporary Church Architecture*. Leiden; Boston: Brill. 398 p.

Rocca E. 2015. The Fullness of Space. *Transcendence and Sensoriness: Perceptions, Revelation, and the Arts*. Ed. by S.A. Christoffersen, G. Hellemo etc. Leiden; Boston: Brill. P. 355-374.

Sandal M. 2015. Introduction to Part 4. *Transcendence and Sensoriness: Perceptions, Revelation, and the Arts*. Ed. by S.A. Christoffersen, G. Hellemo etc. Leiden; Boston: Brill. P. 349-354.

Bergmann S. 2017. Der sakrale Ort als kritischer Ort. Skizzen zur befreienden Ästh / Ethik heiliger Räume und Atmosphären. *Wandel und Wertschätzung. Synergien für die Zukunft von Kirchenräumen*. Hgg. von Albert Gerhards und Kim de Wildt. Regensburg: Schnell & Steiner. S. 279-305 (In German).

Erne T. 2017. *Hybride Räume der Transzendenz. Wozu wir heute noch Kirchen brauchen. Studien zu einer postsäkularen Theorie des Kirchenbaus*. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt. 254 s. (In German).

Gerhards A. 2017. Transformation von Kirchenräumen. Ein zukunftsweisendes Projekt für Kirche und Gesellschaft. *Wandel und Wertschätzung. Synergien für die Zukunft von Kirchenräumen*. Hgg. von Albert Gerhards und Kim de Wildt. Regensburg: Schnell & Steiner. S. 13-27 (In German).

Schiefer H. 2017. Die Rückkehr der einfachen Naturstoffe? Material als Ausdrucksträger von Handwerk und Tradition. Materialität des Heiligen. *Materialwahl, Materialwirkung und Materialbewertung in der christlichen Kunst des 20. Jahrhunderts*. Hg. von Hans Körner, Jürgen Wiener. Essen: Klartext Verlag. S. 179-188 (In German).

Wittmann-Englert K. 2010. Site-specific architecture — Kontextsensibles Bauen an historisch besetzten Orten. *Moderne Kirchenbauten als Erinnerungsräume und Gedächtnisorte*. Hg. von Kai Kappel, Matthias Müller, Felicitas Janson. Regensburg: Schnell & Steiner. S. 165-177 (In German).

Barashkov V.V. 2018. Obrazno-esteticheskie traditsii i innovatsii v sovremennoi zapadnoevropeiskoi khristianskoi tserkovnoi arkhitekture [Aesthetical Traditions and Innovations in the Modern Christian Church Architecture in Western Europe]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*. Vol. 23. P. 137-145 (In Russian).

Bergmann S. 1995. *Geist, der Natur befreit: Die trinitarische Kosmologie Gregors von Nazianz im Horizont einer ökologischen Theologie der Befreiung*. Mainz: Grünewald. 522 s. (In German) (Russ. ed.: Bergman S. 1999. *Dukh, osvobodzhdaushchii prirodu*. Arkhangelsk: Izd-vo PGU imeni M.V. Lomonosova. 538 p.).

Bystrova T.Iu. 2009. Peter Tsumtor: Chasovniav. Benedikta v Zumvitge [Peter Zumthor: Chapel of St. Benedict in Sumvitg]. *Akademicheskii vestnik Ural NII proekt RASN*. № 3. P. 58-66 (In Russian).

Glagolev V.S. 2012. Smysl obraza i obraz mysli — dvuedinaia zadacha religiozno-esteticheskoi problematiki [The Meaning of the Image and the Image of the Meaning – A Double Task of Religious and Aesthetic Problematics]. *Religioznost': lichnost' pered vyzovami bytiia. Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii, Vol. 21*. Vladimir: Izd-vo VIGU. P. 267-275 (In Russian).

Dutsev M.V. 2017. Khudozhestvennoe izmerenie sredy: gorod kak posrednik [The Artistic Dimension of the Environment: the City as an Intermediary]. *Sovremennaia arkhitektura mira: vyp. 9*. Moscow: Nestor-Istoriia. P. 9-34 (In Russian).

Kamyshanov K. 2019. Arkhitektor Andrei Anisimov: dukh istorii i predvidenie budushchego. K 30-letiiu tvorcheskoi deiatel'nosti [The Architect Andrey Anisimov: the Spirit of History and the Prediction of the Future. On the 30th Anniversary of His Work]. *Dary. Al'manakh sovremennoi khristianskoi kul'tury*. P. 104-114 (In Russian).

Kildiasheva T.A., Ivshina O.S. 2016. Sovremennaia khristianskaia khramovaia arkhitektura kak prostranstvo dialoga religii i iskusstva [Contemporary Christian Church Architecture as a Space of Dialogue between Religion and Art]. *Akademicheskoe issledovanie i kontseptualizatsiia religii v XXI veke: traditsii i novye vyzovy: sb. Materialov Tret'ego kongr. ros. Issledovatelei religii (7-9.10.2016, Vladimir, VIGU)*. V 6 t. T. 6. Vladimir: VIGU. P. 231-246 (In Russian).

Kreidun Iu.A., Lidov A.M. 2018. *Sviataia Zemlia v prostranstve khrama. Novaya tserkov' Sviatykh Vifilemskikh mladentsev v Barnaule* [Holy Land in the Church Space. The New Church of the Holy Bethlehem Innocents in Barnaul]. Moscow-Barnaul: Izd-vo «Altaiskii dom pečhati». 112 p. (In Russian).

Lefebvre H. 1974. *La production de l'espace*. Paris: Éditions Anthropos. 485 p. (In French) (Russ. ed.: Lefebvre H. 2015. *Proizvodstvo prostranstva*. Moscow: Strelka Press. 432 p.).

Makarova A. 2018. Tserkovnaia arkhitektura Frantsii. Poiski XX veka [French Church Architecture. The Quests of the 20th Century]. *Dary. Al'manakh sovremennoi khristianskoi kul'tury*. P. 100-117 (In Russian).

Nevliutov M.R. 2018. Ritual'nye istoki arkhitektury [Ritual Origins of Architecture]. *Sovremennaia arkhitektura mira: vyp. 11*. P. 229-241 (In Russian).

Shvidkovskii D.O. 2017. Masshtab chelovecheskogo i «nechelovecheskogo» v sovremennoi arkhitekture [The Scale of the Human and «Non-human» in Modern Architecture]. *Antropologiya iskusstva. Iazyk iskusstva i merachelovecheskogo v meniaishchemsia mire*. Moscow: INDRİK. P. 163-178 (In Russian).

Suprygina G.G. 2008. Evreiskii muzei v Berline [Jewish Museum in Berlin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*. 2 (3). P. 69-84 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Барашков В.В. 2018. Образно-эстетические традиции и инновации в современной западноевропейской христианской церковной архитектуре. *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. Т. 23. С. 137-145.

Бергман С. 1999. *Дух, освобождающий природу: пер. с нем.* Архангельск: Изд-во ПГУ имени М.В. Ломоносова. 538 с.

Быстрова Т.Ю. 2009. Петер Цумтор: Часовня св. Бенедикта в Зумвитге. *Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РАСН*. № 3. С. 58-66.

Глаголев В.С. 2012. Смысл образа и образ смысла — двуединая задача религиозно-эстетической проблематики. *Религиозность: личность перед вызовами бытия. Материалы международных научных конференций. Т. 21*. Владимир: Изд-во ВлГУ. С. 267-275.

Дуцев М.В. 2017. Художественное измерение среды: город как посредник. *Современная архитектура мира: вып. 9*. Москва: Нестор-История. С. 9-34.

Камышанов К., священник. 2019. Архитектор Андрей Анисимов: дух истории и предвидение будущего. К 30-летию творческой деятельности. *Дары. Альманах современной христианской культуры*. С. 104-114.

Кильдяшова Т.А., Ившина О.С. 2016. Современная христианская храмовая архитектура как пространство диалога религии и искусства. *Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы: сб. материалов Третьего конгр. рос. исследователей религии (7-9.10.2016, Владимир, ВлГУ). В 6 т. Т. 6*. Владимир: ВлГУ. С. 231-246.

Крейдун Ю.А., прот.; Лидов А.М. 2018. *Святая Земля в пространстве храма. Новая церковь Святых Вифлеемских младенцев в Барнауле*. Москва-Барнаул: Изд-во «Алтайский дом печати». 112 с.

Лефевр А. 2015. *Производство пространства: пер. с фр.* Москва: Strelka Press. 432 с.

Макарова А. 2018. Церковная архитектура Франции. Поиски XX века. *Дары. Альманах современной христианской культуры*. С. 100-117.

Невлютов М.Р. 2018. Ритуальные истоки архитектуры. *Современная архитектура мира: вып. 11*. С. 229-241.

Супрыгина Г.Г. 2008. Еврейский музей в Берлине. *Вестник Томского государственного университета. Сер. История*. 2 (3). С. 69-84.

Швидковский Д.О. 2017. Масштаб человеческого и «нечеловеческого» в современной архитектуре. *Антропология искусства. Язык искусства и мера человеческого в меняющемся мире*. Москва: ИНДР.